

Т. И. ДЕШЕРИЕВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ФИЗИЧЕСКОМУ И ФИЛОСОФСКОМУ АСПЕКТАМ

В настоящей работе мы исходим из положения о том, что категория времени имеет физический, философский и лингвистический аспекты, из которых первые представляют собой две стороны единого целого, а последний подчинен им, но имеет свою специфику и потому требует особого рассмотрения, учитывающего эту специфику.

Можно считать бесспорным существование физического аспекта времени, включающего в себя проблемы соотношения времени и материи, реально существующих независимо от сознания человека. Существование философской категории времени подтверждается существованием принципиально различных философских определений этой категории. Так, в марксистско-ленинской философии время определяется как форма бытия материи; с другой стороны, в кантианско-махистской идеалистической философии время понимается как форма человеческого созерцания. Существование и единство физического и философского аспектов пространства и времени убедительно доказано теорией относительности А. Эйнштейна, связывающей свойства пространства и времени с относительной скоростью движения материальных тел, с определенным типом отношений и связей материальных явлений, процессов. Известно, что классические представления о пространстве и времени были созданы на основе исследования механического движения макротел, совершающегося со скоростями, значительно меньшими скорости света. Пространственно-временные отношения специальной теории относительности возникли на основе исследования электромагнитного поля, электромагнитных взаимодействий. Общая теория относительности, учитывающая гравитацию, распространяется на широкий круг явлений и представляет собой самую общую из существующих физическую теорию пространства и времени¹.

Лингвистическим аспектом категории времени, или лингвистическим временем (=темпоральностью), мы называем всю совокупность способов выражения средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой категории.

Мы говорим, что лингвистический аспект подчинен физическому и философскому аспектам в том смысле, что с помощью языка описывается содержание последних.

Одной из задач лингвистики является уточнение и систематизация существующей в ней темпоральной терминологии, в которой нередко наблюдаются непоследовательность, многозначность, даже алогичность².

¹ М. Б. В и л ь н и ц к и й, Философское содержание и значение пространственно-временных представлений общей теории относительности, в кн.: «Пространство и время в современной физике», Киев, 1968, стр. 163—164; А. Э й н ш т е й н, Собрание научных трудов, I, М., 1965; В. И. С в и д е р с к и й, Пространство и время, М., 1958.

² Ср., например: «прошедшее несовершенное имеет два вида: несовершенный и совершенный» у Б. Т. Р у д е н к о в его «Грамматике грузинского языка» (М.—Л., 1940, стр. 245).

Устранение существующего положения возможно лишь с помощью анализа связи между лингвистическим, физическим и философским аспектами категории времени.

Пока не существует универсального определения времени, соответствующего современному этапу развития физики (особенно микромира). Наиболее приемлемым для философии диалектического материализма до недавнего времени считалось определение Г. Лейбница. В него внесены существенные коррективы З. Аугустынеком, обеспечившие метризацию и координатизацию понятия времени³. В дальнейшем изложении определение З. Аугустынека мы называем моделью I. Это определение позволяет установить глубокую связь между физическим и лингвистическим аспектами рассматриваемой категории.

Лингвистическое время имеет синхронный и диахронный аспекты в соответствии с синхронным и диахронным аспектами рассмотрения языка и объективными физическими категориями одновременности и последовательности событий. Оно включает в себя время грамматическое (морфологическое, синтаксическое), лексическое и контекстуальное.

Морфологическое время — это совокупность способов выражения морфологическими средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой категории. Оно является основной компонентой лингвистического времени. В грамматиках и специальных работах, посвященных этой категории в языке, исследуется в основном глагольное время. Синтаксическое время — это совокупность способов выражения синтаксическими средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой категории⁴. Лексическое время — совокупность способов выражения временных отношений с помощью специальной временной лексики. Контекстуальное время — совокупность способов выражения средствами контекста и стиля сущности физического и философского аспектов рассматриваемой категории. Эти компоненты лингвистического времени также сравнительно недавно стали предметом исследования лингвистов⁵.

Под языковыми временными формами мы понимаем разнообразные регулярно действующие в языке способы выражения временных отношений (морфологические, синтаксические, лексические, контекстуальные). Временные глагольные формы (синтетические и аналитические) являются частным случаем определенных таким образом языковых временных форм. Определение временной глагольной формы совпадает с принятым в языкознании пониманием термина «форма» как единства значения (грамматического) и способов его выражения. Наименее разработанным является диахронный аспект лингвистического времени. Здесь много таких вопросов и проблем, которые еще только ставятся. К числу специальных

³ З. А у г у с т ы н е к, Лейбницево определение времени, ВФ, 1973, 5. Статья содержит определение автора, наряду с критическими замечаниями к определению Г. Лейбница. Объем настоящей работы не позволяет приводить здесь упомянутые определения времени. С основными положениями определения З. Аугустынека (модели I) мы познакомим читателя ниже при описании модели I₁, являющейся частным случаем модели I.

⁴ Исследование этой компоненты лингвистического времени началось совсем недавно. В этой связи можно указать лишь монографию Т. П. Ломтева «Предложение и его грамматические категории» (М., 1972). В одном из разделов этой работы автор стремится показать, что категория времени глагола и времени предложения суть разные категории.

⁵ См.: А. В. Б о н д а р к о, Грамматическая категория и контекст, М.—Л., 1971; сб. «Стиль и контекст», Л., 1972; М. М. М а к о в с к и й, Теория лексической аттракции, М., 1971. Представляется перспективным исследование лексической и контекстуальной компонент лингвистического времени с помощью разработанной автором теории лексической аттракции.

понятий этого аспекта относятся понятия абсолютной и относительной хронологии, временной цезуры, отделяющей одно состояние языка от другого, и др.⁶

Вполне понятно, что детальное исследование любой компоненты определенного таким образом лингвистического времени может стать содержанием специальной монографии. В настоящей статье мы ограничимся описанием основных структурных особенностей построенной нами модели лингвистического времени и формулировкой лишь некоторых выводов, следующих из сущности этой модели и способствующих уточнению и систематизации лингвистической темпоральной терминологии.

Считая «событие» и отношение «раньше» (W) исходными (неопределяемыми) понятиями и определяя отношение одновременности (R) тождеством $xRy \equiv xWy \wedge yWx$ (т. е. принимая, что события x , y одновременны тогда и только тогда, когда x не предшествует y , и y не предшествует x), мы получаем частный случай модели I (модель I_1), которую кладем в основу при построении модели лингвистического времени (модели II), считая ее *п е р в о й* частью этой модели. Временные моменты определяются как множества R -одновременных событий материального мира (S). Символом F обозначаем отношение осуществления события (x) в данный момент (m). Определяется это отношение тождеством: $xFm \equiv x \in m$, т. е. отношение «осуществляется в» тождественно отношению «принадлежит к». Множество классов абстракции отношения R в S , т. е. множество временных моментов, обозначается символом S/R .

Отношение «раньше» (W') для временных моментов вводится в модель II с помощью тождества: (1) $(x, y) (m, n) \{mW'n \equiv [x \in m \wedge y \in n \wedge xWy]\}$, где m, n — временные моменты; x, y — события; W — исходное (неопределяемое), введенное уже отношение «раньше» между событиями множества S , $\wedge$ — знак логического пересечения (произведения). Читается формула (1) так: момент m предшествует (находится в отношении «раньше» к) моменту n ($mW'n$) в том и только в том случае, если для любого события x , происходящего в момент m ($x \in m$), и любого события y , происходящего в момент n ($y \in n$), верно соотношение xWy , т. е. событие x происходит раньше события y .

Аналогично, второе отношение «одновременности» (R') для временных моментов определяется через уже введенное ранее отношение R для событий с помощью тождества: (2) $(x, y) (m, n) \{mR'n \equiv [x \in m \wedge y \in n \wedge xRy]\}$, которое читается: моменты m, n одновременны ($mR'n$), если одновременны любые два события x, y , одно из которых происходит в момент m , а второе — в момент n , т. е. если верны отношения $x \in m, y \in n$, то верно и отношение xRy .

Определения физического времени, временного интервала, координатизации и метризации времени в модели I_1 сохраняются те же, что и в модели I⁷. Приведем лишь некоторые следствия, вытекающие из свойств физического времени, определенного моделью I_1 , лежащей в основе модели II: 1) временной интервал — это множество всех моментов, существующих между двумя разными моментами. Для произвольного момента (m) и интервала (i) имеем $m \in S/R$ и $i \in S/R$; 2) два момента одновременны тогда и только тогда, когда они идентичны; 3) временное расстояние между двумя событиями — это расстояние между двумя моментами, в которых совершаются эти события.

⁶ См.: Э. А. Макаев, О некоторых проблемах диахронической лингвистики, в кн.: «Philologica», Л., 1973; М. М. Маковский, указ. соч., стр. 120—122.

⁷ См.: З. Аугустынек, указ. соч.

Модель II во второй части, определяющей ее как лингвистический феномен, является сложной системой, состоящей из абсолютной и относительных систем отсчета лингвистического времени. Связующим звеном между физической и лингвистической частями модели II является «момент речи», определяемый как множество событий, R-одновременных с актом коммуникации, абсолютным или относительным. Абсолютный момент отсчета обозначаем символом $МО_{абс}$.

Сферой абсолютного прошедшего или планом прошлого (П) называется временной интервал, бесконечный слева от момента отсчета $МО_{абс}$ и ограниченный им справа. Сферой абсолютного будущего или планом будущего (Б) называется интервал, бесконечный справа от $МО_{абс}$ и ограниченный слева этим моментом. Сферой абсолютного настоящего (Н) называется любой временной интервал, содержащий в себе $МО_{абс}$.

Пусть m, n, l — целые числа, большие или равные нулю, обозначающие в модели II количество относительных точек отсчета лингвистического времени, соответственно в сферах прошлого, настоящего, будущего абсолютной системы. Возможное соотношение между этими числами задано дизъюнкцией $(l = m = n) \vee (l \neq m \neq n) \vee (l = m) \wedge (l \neq n) \vee (l = n) \wedge (l \neq m)$. Введем следующие обозначения структурных элементов модели II:

$\{МО_m^n\}$ — последовательность из m относительных точек (моментов) отсчета в сфере П;

$\{МО_n^n\}$ — последовательность из n относительных точек отсчета в сфере Н;

$\{МО_l^6\}$ — последовательность из l относительных точек отсчета в сфере Б;

$\{П_m^n\}$ — последовательность из m сфер относительного прошлого в сфере П;

$\{Н_m^n\}$ — последовательность из m сфер относительного настоящего в сфере П;

$\{Б_m^n\}$ — последовательность из m сфер относительного будущего в сфере П;

$\{П_n^n\}$ — последовательность из n сфер относительного прошлого в сфере Н;

$\{Н_n^n\}$ — последовательность из n сфер относительного настоящего в сфере Н;

$\{Б_n^n\}$ — последовательность из n сфер относительного будущего в сфере Н;

$\{П_l^6\}$ — последовательность из l сфер относительного прошлого в сфере Б;

$\{Н_l^6\}$ — последовательность из l сфер относительного настоящего в сфере Б;

$\{Б_l^6\}$ — последовательность из l сфер относительного будущего в сфере Б.

Условимся изображать любую лингвистическую систему отсчета в модели II в виде четырехчленного отношения, членами которого являются последовательно символ точки (момента) отсчета и символы сфер прошедшего, настоящего и будущего рассматриваемой системы. Тогда системы отсчета в модели II получают такое обозначение:

$(МО_{абс}, П, Н, Б)$ — абсолютная система; $(МО_m^n, П_m^n, Н_m^n, Б_m^n)$ — относительная система сферы П; $\{(МО_m^n, П_m^n, Н_m^n, Б_m^n)_k\}$ — последовательность из k таких систем ($m \geq k > 1$); $(МО_n^n, П_n^n, Н_n^n, Б_n^n)$ — относительная си-

стема сферы Н; $\{(MO_n^n, \Pi_n^n, H_n^n, B_n^n)\}$ — последовательность из s таких систем ($n \geq s > 1$); $(MO_1^b, \Pi_1^b, H_1^b, B_1^b)$ — относительная система сферы Б; $\{(MO_l^b, \Pi_l^b, H_l^b, B_l^b)\}_q$ — последовательность из q таких систем ($l \geq q > 1$).

Временные сферы относительных систем отсчета, принадлежащие к одной и той же сфере абсолютной системы, либо не пересекаются, обозначая серию последовательных событий в этой сфере, либо пересекаются, обозначая одновременные события. Этот вывод следует из нашего определения R-одновременности событий в модели II, схема которой (в самом общем виде) дана ниже (см. рис. 1).

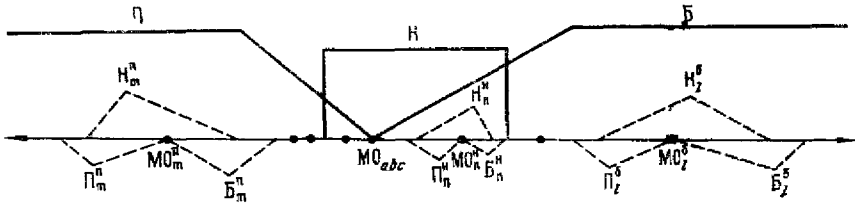

Рис. 1

На схеме сплошными и пунктирными линиями обозначены соответственно сферы абсолютных и относительных времен. При этом надо иметь в виду, что сферы относительных времен могут пересекаться не только с содержащей их сферой абсолютной системы лингвистического времени, но и с другими сферами этой системы.

Сферы абсолютной системы лингвистического времени на рис. 1 обозначены символами П, Н, Б; MO_{abc} — точка отсчета этой системы; MO_m^n — одна из m относительных точек отсчета лингвистического времени в сфере П модели II; MO_n^n — одна из n относительных точек отсчета лингвистического времени в сфере Н; MO_l^b — одна из l относительных точек отсчета лингвистического времени в сфере Б; Π_m^n — одна из m сфер относительного прошлого в сфере П; H_m^n — одна из m сфер относительного настоящего в сфере П; B_m^n — одна из m сфер относительного будущего в сфере П; Π_n^n — одна из n сфер относительного прошлого в сфере Н; H_n^n — одна из n сфер относительного настоящего в сфере Н; B_n^n — одна из n сфер относительного будущего в сфере Н; Π_l^b — одна из l сфер относительного прошлого в сфере Б; H_l^b — одна из l сфер относительного настоящего в сфере Б; B_l^b — одна из l сфер относительного будущего в сфере Б.

Очевидно, модель II допускает наличие любого конечного числа относительных времен в сферах П, Н, Б абсолютной системы. Так как она предполагает всевозможные способы выражения в языке сущности физического и философского аспектов категории времени, ее условно можно назвать максимальной моделью лингвистического времени. Условно — потому, что беспределен рост знаний человека о свойствах и законах объективного времени, беспредельно совершенствование отражения этих знаний в структуре временной системы языка⁸.

Система временных глагольных форм обеспечивает лишь частичную реализацию модели II. В этой связи заметим, что «максимальная модель славянских глагольных времен (без причастий и деепричастий)»,

⁸ Чтобы не усложнять схему модели II, мы не отразили в ней диахронический аспект темпоральности, так как он не является здесь предметом нашего исследования.

описанная И. К. Буниной⁹, также является подсистемой модели II, ее частным случаем при $m = n = l = 1$. Модель видо-временных отношений Е. Куриловича является еще менее полной, так как не охватывает сферы будущего времени¹⁰.

Рассмотрение модели лингвистического времени (II) позволяет сделать следующие выводы: 1) можно лишь условно говорить о максимальной модели лингвистического времени, тем более о максимальной модели глагольных времен; 2) спорный в языкознании вопрос о целесообразности или нецелесообразности выделения «момента речи» как структурной единицы системы отсчета лингвистического (или уже — грамматического) времени снимается построением модели II, разрешаясь положительно; 3) вопрос соотношения лингвистического и физического аспектов категории времени приобретает особую значимость, так как физический аспект является исходной базой модели II; 4) в качестве относительной точки отсчета может выступать временной момент любого события, ставшего предметом сообщения, и, следовательно, уже определенным образом соотносящегося с абсолютной системой отсчета. Если это событие не названо в речи, время его совершения относительно абсолютного *МО* ($МО_{абс}$) должно быть очевидным из контекста или ситуации высказывания; 5) изучение лингвистического времени (= темпоральности) — это изучение всех средств языка (морфологических, синтаксических, лексических, стилистических, экспрессивных), используемых языком для раскрытия сущности реального физического времени. Изучение глагольного времени ограничивается изучением временных глагольных форм (синтетических и аналитических) как основного ядра лингвистического времени; 6) модель II позволяет определить максимальный набор основных форм временной системы, который реализуется по-разному в различных языках. Представляется целесообразным следующее наименование этих форм: прошедшее (П), настоящее (Н), будущее (Б), близкое прошедшее (БП), давнопрошедшее (ДП), предпрошедшее (ПП), послепрошедшее (ПСП), прошедшее одно-временное (ПО), близкое настоящее (БН), давнонастоящее (ДН), преднастоящее (ПРН), посленастоящее (ПСН), настоящее одновременное (НО), близкое будущее (ББ), далекое будущее (ДБ), предбудущее (ПРБ), послебудущее (ПСБ), будущее одновременное (БО).

В терминах модели II, например, «прошедшее» определяется как языковая форма, обозначающая событие момента, предшествующего (т. е. находящегося в отношении W' к) точке отсчета («моменту речи»); «настоящее» — как форма, обозначающая событие момента R' -одновременного с «моментом речи»; «будущее» — как форма, обозначающая событие момента, которому предшествует «момент речи» и т. п. В языках, не имеющих глагольных временных форм, это — формы лексические и контекстуальные.

Запись структуры семантических полей выделенных нами глагольных временных форм (которые могут быть синтетическими или аналитическими) с помощью ранее предложенного функционально-логического метода¹¹ подтверждает правомерность рассмотрения этих форм как основных форм морфологической компоненты лингвистического времени.

Расположение абсолютных времен в модели II представлено на рис. 2.

⁹ И. К. Бунина, История глагольных времен в болгарском языке, М., 1970, стр. 34.

¹⁰ Е. Курилович, Очерки по лингвистике, М., 1962.

¹¹ С помощью упомянутого метода описана структура семантических полей падежей, предложных и послеложных конструкций в монографии: Т. И. Дешериева, Структура семантических полей чеченских и русских падежей, М., 1974.

Аналогичное расположение имеют относительные временные формы в относительных системах отсчета модели II.

Так как семантическая сфера глагольных времен пересекается со сферами вида, способа действия, залога, модальности, в сложные термины этих времен могут входить элементы, указывающие соответственно на вид, способ действия, залог, модальность. Однако эти элементы не должны подменять основные структурные компоненты термина, выражающие его главное темпоральное значение; они имеют право на существование лишь в случае грамматической маркировки вносимого ими дополнительного значения. Например, глагольную форму прошедшего времени, имеющую специальную маркировку совершенного вида, можно называть «про-

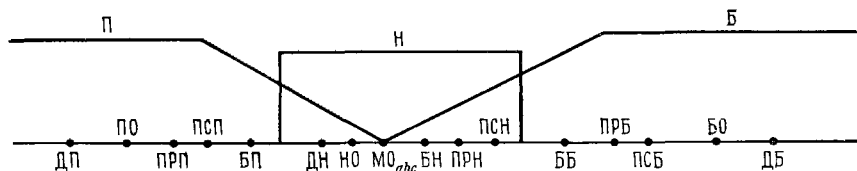

Рис. 2

шедшим совершенным», а двувидовую форму, принимающую значение как совершенного, так и несовершенного вида, в зависимости от контекста, неправомерно называть в грамматических описаниях «прошедшим совершенным» или «прошедшим несовершенным».

Причастные, деепричастные, так называемые «придаточные» временные формы глагола рассматриваются нами как глагольные времена, получающие вполне определенное место в модели II. Глагольные формы, получившие в лингвистической литературе наименование «настоящее историческое», «совершенное настоящее-будущее», «совершенное будущее-прошедшее», должны рассматриваться как понятия не морфологической (как это принято до сих пор), а контекстуальной компоненты лингвистического времени. Термины глагольных времен с дополнительным (маркированным) значением вида, способа действия, модальности, числа объекта или субъекта действия и т. п. служат звеньями, соединяющими временную систему языка с лексикой, и к числу чисто временных глагольных форм не относятся. Таковы «прошедшее совершенное», «прошедшее многократное», «прошедшее очевидное», и т. п. Максимальную близость к временной системе языка имеют глагольные формы с дополнительными видовыми значениями, так как видовое значение непременно связано с тем или иным временным планом. Однако место в модели II глагольных форм с указанными выше дополнительными значениями определяется темпоральными компонентами их семантики.